

Константин Фрес

ИСПАНЕЦ

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф87

Фрес К.
Ф87 Испанец / Константин Фрес – М.: Литнет, 2026. – 284 с.

ISBN 978-5-521-99355-0

В ее жизни все не так. Самые дорогие ей люди причиняют ей только боль. Предательство, эгоизм и ложь - вот все, что она видела от тех, кто говорил ей о любви. Что делать? Поддаться отчаянию или попытаться изменить свою жизнь? Отважиться улететь из промозглого марта в солнечную теплую Испанию, чтобы стать профессионалом своего дела, высококлассным переводчиком? И, разумеется, никаких больше романов! Никаких ухажеров, никакого доверия и любви! Нет, она сказала! Нет! Но разве можно сказать "нет", когда испанец говорит "sí, mi amor"? Он - сын испанского гранда, красавчик Эдуардо де Авалос, своенравный, с жутко упрямым характером. И он - тореро.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99355-0

© Литнет, 2026
© К. Фрес, 2026

Глава 1. Марина

С самого детства Марина была типичной неудачницей. Классической.

Убожеством, объектом для насмешек, безрукой неумехой, у которой ничего не может быть нормально априори. Ронять и испытывать чувство мучительного стыда – вот на что она была годна. Опустить руки и сдаться было для нее обычным делом, и эта постыдная привычка выкорчевывалась из души, вычищалась из характера с трудом и уже в достаточно взрослом возрасте.

Даже сейчас, по прошествии времени, когда школа и старые вязанные свитерочки, донашиваемые за старшей двоюродной сестрой были далеко позади, а сама Марина считалась довольно успешной молодой женщиной, ее уверенность в себе легко можно было поколебать, всего лишь уронив папку.

И в один миг ее умение держать себя растворялось, девушка неловко сутулилась, движения ее становились быстрыми и суетливыми, и она чуть не плакала, сгребая расползающиеся по полу документы в скользких мультифорах.

Размышляя здесь и сейчас о таком положении вещей, Марина все же приходила к выводу, что все ее неудачи и вечный позор джунглей были всего лишь результатом искусственно привитой застенчивости и воспитания.

В семье ее учили быть такой – готовой жертвой, удобной для употребления какому-нибудь доморощенному тирану, лишь бы только он появился на горизонте и забрал ее замуж, сняв с плеч родителей эту непосильную ношу – заботу о дочери.

Марина потому и фамилию свою – Полозкова, – не любила. В ее воображении та звучала всегда издевательски и была неотрывно связана с прошлым, в котором над нею смеялись и называли исключительно по фамилии.

«О господи, Полозкова, что у тебя случилось?»

«Вечно с тобой что-то не так!»

«Ну, понятно, это же Полозкова! Разве у нее может быть что-то нормально?!»

Едва ли не с пеленок Марине внушалось, что мучиться, иметь на сердце незаживающую рану и страдать, самоотверженно преодолевающая все трудности – это нормально, романтично и в какой-то мере даже хорошо, ведь это удел всех приличных женщин.

По юности и наивности Марина, не видя иного примера перед глазами, конечно, в это верила...

Ее мама, Елена Петровна, была женщиной властной, жесткой и авторитарной, а отец как раз наоборот – был человеком мягким и даже бесхребетным.

Иногда Марине казалось, что маме ее самой хотелось хоть немного побыть слабой бледной дамой, склонной к обморокам и благородным слезам, красиво ползущим по щекам, этакой беспомощной жертвой обстоятельств, которую бы все жалели и окружали вниманием.

Но отец не спешил подтирать сопли супруге и наигранных истерик с красивым заламыванием рук не понимал.

Он был человеком очень простым и приземленным и выяснять высоких отношений не хотел категорически.

Не хотел бегать в ночь за супругой, не хотел после пустяковых ссор ползать на коленях с богатыми дарами, с цветами и духами, заглаживая свою несуществующую вину. Он хотел борща и тихих семейных вечеров.

И Елена Петровна, поняв, что рядом с ней отнюдь не мужественный герой, не утонченный граф и не страстный капитан с пиратского корабля, и бурных страстей от него ожидать не приходится, замыкалась в гордом молчании на целые недели, лелея свои обиды и затаив зло.

В отместку за нечуткость мужа с годами она превратилась в холодную, вечно озлобленную стервозную тетку.

Изломала, уничтожила слабохарактерного супруга постоянными склоками и следующими за ними многодневными отказами разговаривать.

А из Марины она вздумала вылепить то, чем ей не удалось стать самой – хрупкую и беззащитную тургеневскую барышню.

Мама с детства твердила ей: «Не высовывайся, будь скромнее, веди себя правильно! Нечего модничать. Кому надо, тот сам тебя заметит!».

Отчасти это было своего рода методичкой, пособием для Марины, как себя правильно вести, а отчасти таким образом мама решала проблемы, возникающие с взрослением дочери и с ее желанием одеваться красиво и нравиться парням.

Сколько раз Марина рыдала, закрывшись в ванной, из-за того, что ее поднимали на смех из-за обносок, которые она была вынуждена донашивать за старшей родственницей!

Как она хотела хоть раз, но побыть точно такой же, как и все ее сверстники!

Не лучше, не богиней и не королевой – просто такой же, ничем не отличающейся...

Но мать раз за разом повторяла свое железное «не высовывайся!», убеждая Марину, что ее природная красота сделает свое дело, и однажды найдется тот, кому будут не важны ее старые, не модные платья.

И Марина умолкала, не смея больше напоминать о желанной обновке.

Отчего у родителей не находилось денег, чтобы одевать дочь, Марина не знала.

Они жили вовсе не бедно; вполне благополучная семья, среднего достатка.

Но отчего-то интересы и потребности Марины рассматривались в самую последнюю очередь, и мать, решая возникающие проблемы, всегда употребляла неприятное слово «выкрутилась».

Марина ощущала себя не человеком, а досадным недоразумением, трещиной на стене, которая беспокоит и все портит. А материны «выкручивания» здорово походили на то, как эту злополучную трещину заклеивали малярным скотчем и завешивали кричащим плакатом с рок-певцом, или же календарем христианских праздников. Неважно чем, лишь бы прикрыть.

Выкрутиться из положения.

Сделать видимость, что проблема решена.

А если Марина начинала возмущаться, ей тотчас напоминали ее место, и подчас очень грубо.

«Ты никто, и звать тебя никак! Твое тут только г... в унита-зе! – так говорила разгневанная мать, сердясь на неблагодарность дочери. – Где я тебе должна взять? Ну, где? Повеситься мне, что ли?»

И это, конечно, давало свои плоды.

Марина, затюканная, заткнутая правилами хорошего тона, закомплексованная и морально раздавленная, по рукам и ногам повязанная приличиями, просто не научилась контактировать с людьми.

Ну, вот так.

Не умела общаться, не умела поддержать разговор, да что там – она не умела даже верно, адекватно реагировать на ухаживания мальчишек, когда некоторые одноклассники вдруг порывались за ней ухаживать.

Марина забивалась в угол, пугаясь неожиданного и незаслуженного, как ей казалось, внимания к такому ничтожеству как она, отмалчиваясь и мучительно соображая, как ей себя вести.

Заплакать, чтобы мальчишки любовались глубиной испытываемых ею чувств?

Но это было нелепо, глупо и странно, и Марина просто молчала, а мальчишки быстро теряли к ней интерес.

А потом еще и оказалось, что никому особенно не надо было ее замечать.

Пока Марина по совету своей мамы молча отсиживалась

в углу, изображая из себя оскорбленную невинность и ожидая самого настойчивого разглядывателя ее уникального внутреннего мира – «мужчина должен добиваться тебя!» – кавалеров разбিরали бойкие и веселые подружки.

Пока Марина, изучая иностранные языки, обогащала свой внутренний мир, в котором никто особо не жаждал копаться, чтоб понять уникальность новоявленной Золушки, одноклассницы выпрашивали у родителей модные тряпки и новые сапожки и гуляли вечерами с ухажерами.

А Марина все ждала, когда же явится ее принц, обрастая все новыми комплексами – подружки были теми еще язвами и никогда не упускали возможности посмеяться над скромными нарядами девушки, над ее ношеной шубкой, над чинеными ботинками.

Весь семейный бюджет, оказывается, был ориентирован на Елену Петровну и на подношения ей же – отец Марины наконец-то одумался и попытался вернуть утерянное расположение жестокой супруги многочисленными подарками.

Так что на новые ботинки Марине денег тоже не хватало.

Родители жили в каком-то своем, выдуманном мире, полном страстей. И им, погрязшим с этих отношениях, было не до растущей дочери и до ее потребностей, которые мать Марины называла пустяковыми и неважными.

Они ловко отгораживались от жизни дочери, и в свою жизнь ее тоже не пускали.

Тепла и взаимопонимания между родными, казалось бы, людьми не было.

Так что к своим семнадцати годам, окончив школу и поступив в институт, Марина была выставлена мамой в большую жизнь совершенно к этой самой жизни не подготовленная, да еще и с кучей комплексов.

Она никогда не красила волос, не умела делать макияж, не носила туфель на высоких каблуках и считала себя дурнушкой, глупой курицей – а чем еще можно было объяснить ее неудачи?!

Учиться выстраивать отношения с людьми приходилось сейчас, уже будучи взрослой и сформированной личностью, и это было чудовищно неудобно.

Марина ощущала себя если не инопланетянкой, то уж иностранкой точно.

Ей приходилось заново учиться говорить на одном языке с окружающими ее людьми, понимать их, вникать в их шутки и сленг.

Предъявляя взлелеянную мамашей барышню миру, Марина получала в ответ лишь обидные насмешки и непонимание.

Одногруппники откровенно потешались над Мариной, называя ее ломакой, не веря в ее искренность, и ей приходилось замолкать и учиться вести себя так, как они.

Долгое время Марина жила как в вакууме, не имея толком подруг и друзей; лишенная тепла в семье, сейчас, выкинутая в мир, она ластилась, как бездомная собачонка, ко всем, кто оказывал ей хоть какое-то внимание.

Без разбора кидалась в любые отношения, чтобы отогреться чужим теплом, верила любому доброму слову, принимала за чистую монету любые ухаживания...

Каждый раз ей казалось, что вот оно, то, к чему так долго ее готовила мама – вот тот, кто сумел рассмотреть ее под серыми невзрачными одежками!

Но очередные отношения заканчивались ничем, и Марина, обжигаясь, получая от жизни хлесткую пощечину, усмехалась и отступала, усваивая очередной горький урок.

Самостоятельная жизнь учит быстро, но жестко; за пять лет вдребезги разлетелся образ хрупкой наивной барышни, а Марина поняла, что не такая уж она и дура, и не такое ничтожество, каким видела себя и каким пыталась сделать ее мать.

Конечно, ей не хватало житейской мудрости и опыта, но зато, оказывается, она мастерски умела держать удар и не раскисать – самое

незаменимое качество, если у тебя нет тыла в виде слабохарактерного мужа, готового плясать перед тобой на задних лапках и приносить тебе все по первому требованию.

Очень рано Марина поняла, что рассчитывать можно только на себя. Полезное знание для Золушки, не прошедшей конкурс во дворец и никому не пригласившейся!

С Денисом, с молодым человеком, отношения с которым Марине показались первыми серьезными, она рассталась, когда ей было двадцать.

Он научил ее говорить «нет» и не позволять вытирать о себя ноги.

Разрыв между молодыми людьми произошел по ряду причин, и инициатором разрыва стала именно Марина, которая вдруг взбунтовалась и из тихой покорной девушки вдруг превратилась в нахальную хамку и бессердечную эгоистичную особу.

Во-первых, Марина ужасно не нравилась его маме.

Ее скромность никто не оценил.

Не модная, не броская, не богатая наследница, да и еще и на полгода старше.

Полгода!

Этот смехотворный разрыв в возрасте почему-то очень смущал маму Марининого избранника. Она постоянно нашептывала Денису, что «твоя Маринка только и жаждет, чтоб забеременеть от тебя и прописаться у нас дома! Ей дом наш нужен! Она усядется у тебя на шею с ребенком, а ты вынужден будешь идти работать и учебу не закончишь!».

Эту чушь хнычущий Денис пересказал Марине – у него не хватило ума отмахнуться от слов матери и забыть их.

Заглядывая девушке в глаза, Денис противно канючил: «Ну, ты же не сделаешь так, не сделаешь?».

Тогда Марина в первый раз испытала жгучее желание ударить его по лицу за стыдную, немужскую слабость, встряхнуть за шиворот, чтобы вытрясти глупость, которой была наполнена его голова.

В тот момент ей очень хотелось рыдать от отчаяния самой и кричать, кричать: «Неужели ты не понимаешь, что поддержка и защита нужна мне, а не тебе?! Неужели ты не видишь, что я должна плакать у тебя на груди, а не наоборот?!»

Но девушка сдержалась.

Не до конца похороненная тургеневская барышня, то ли монстр, то ли разбитая фарфоровая кукла, кое-как склеенная скотчем, выползла из закоулков души Марины и ласково заворковала, утешая и успокаивая Дениса:

– Нет, конечно! Что ты такое говоришь?! Я же люблю тебя... люблю... ничего мне не надо, какая выгода, о чем ты?!

От этой тургеневской дряни очень трудно избавиться, да...

Сейчас Марине было стыдно за минуту слабости, которая не позволила ей вклеить пощечину Денису, разбить его надутые красные толстые губы, наорать и макнуть его головой в те самые помои, которые он вылил на нее.

Выгода?! Какая выгода, если он и не дарил ей ничего толком?

Шоколадки? Да уж, нечего сказать, выгода...

На свой день рождения Марина получила от этой загадочной женщины, по совместительству матери своего жениха, дешевенькую книгу в мягкой обложке под названием «Поздняя любовь» и задушевную лекцию тет-а-тет, на которую ее за ручку привел Денис, на тему «Девственность, ее нужность и ненужность: для кого бережем, девоньки? Если что, обращайтесь, я помогу с контрацептивами».

Марине все это ужасно не понравилось.

Все же она не была готова к тому, чтобы посторонняя малознакомая тетка поучала ее как себя вести, давать или не давать, бесцеремонно лезла к ней под одеяло и распоряжалась ее, Марины, телом в угоду своему сынку.

Под внешней чересчур навязчивой доброжелательностью эта тетка с хитрыми глазами и носом, как у Кинг Конга, прятала гнилое нутро.